

Anna Bednarczyk

Несколько заметок о рецепции творчества Марии Павликовской-Ясножевской в «русскоязычном пространстве»

Acta Universitatis Lodziensis. Folia Litteraria Rossica 4, 114-123

2011

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

ANNA BEDNARCZYK
 Łódź (Polska)

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕТОК О РЕЦЕПЦИИ ТВОРЧЕСТВА МАРИИ ПАВЛИКОВСКОЙ-ЯСНОЖЕВСКОЙ В «РУССКОЯЗЫЧНОМ ПРОСТРАНСТВЕ»

1. Политическая обстановка и рецепция в переводной полисистеме

Творчество Марии Павликовской-Ясножевской не очень известно в России, хотя, вряд ли можно сказать, что оно неизвестно. Конечно, формула статьи не позволяет широко рассматривать эту тему, однако, попытаемся хотя в некоторой степени объяснить вышесказанное.

Итак, еще в шестидесятые годы 20-го столетия стихи польской поэтессы переводила Анна Ахматова¹. В изданной в 1977 году трехтомной антологии *Поэзия Европы* стихотворение Павликовской-Ясножевской тоже появилось в переводе Ахматовой². Свидетельствует ли это об известности автора *Поцелуев* в Советском Союзе? С одной стороны, можно было бы ожидать такого, учитывая известность переводчицы – Ахматовой, как поэта и как автора многочисленных переводов с разных языков. Однако, с другой стороны, если припомнить, что Ахматова не была «любимицей» советских властей, что ее стихи не издавались и не переиздавались, если заметить некоторые другие факторы, в том числе годы жизни Павликовской-Ясножевской (1891–1945), да и самой Ахматовой (1889–1966), а также странный выбор стихотворения для *Поэзии Европы*, перед нашими глазами появится немного другой образ бытования интересующего нас творчества в сознании граждан СССР.

Стоит отметить, что первый томик стихов польской поэтессы вышел в 1922 г., умерла она в 1945, а переводы ее стихотворений на русский язык появились только в 1963 г. Вполне понятно, что советские власти не были заинтересованы в издании поэзии, рассказывающей прежде всего о любви и даже частью польских критиков считаемой наивной. Приведем здесь мнение известнейшего в межвоенный период литературного критика Остапа Ортвина, который, оценивая поэтический дебют молодой Павликовской, писал:

[...] стишки эти могли бы служить для заворачивания карамели с марципановой начинкой, или-же для закручиванья папилюток во время утреннего туалета³.

¹ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], перевод. А. Ахматова, [в:] *Польская поэзия*, Москва 1963, т. 2, с. 275–86.

² М. Павликовская-Ясножевская, *Ива у дороги*, [в:] *Поэзия Европы в трех томах*, Москва 1977, т. II (2), с. 85.

³ О. Ortwin. *Złwe fikcje. Studia o prozie, poezji i krytyce*, Warszawa 1970, с. 275 [Первое издание 1923]; перевод – А. Б.

Конечно, после, когда поэтесса стала известной, критики в большинстве меняли свое отношение к ее творчеству. Однако, рассуждая о введении этих стихов в русскую литературную систему, следует помнить и о неакцептабельности в Советском Союзе творчества, которое не отвечало официальному «заказу», и об отношении к поэзии самой Ахматовой, о которой в известном Постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград» говорилось, что она пустая и безыдейная, что «выражает вкусы старой салонной поэзии, застывшей на позициях буржуазно-аристократического эстетства и декадентства» и, что для нее нет места в советской литературе⁴.

Учитывая всё сказанное, нельзя забывать, что первое издание стихов Павликовской-Ясножевской в переводе Ахматовой готовилось в период так называемой хрущевской оттепели. Следующий раз некоторые из этих стихотворений печатались уже после смерти Ахматовой (1966) в 1969 в антологии польской поэзии⁵. Интересно отметить, что в издании от 1963 г. было напечатано девять стихов польской поэтессы, а в 1969 всего лишь четыре. В свою очередь в упоминаемой нами *Поэзии Европы* (1977) печатается только *Ива у дороги*. Таким образом поэзия Павликовской-Ясножевской сводится здесь к не очень характерному для ее творчества тексту, зато к произведению, отвечающему официальному запросу, который нельзя назвать безыдейным. Это, ведь, стихотворение о тоске по родине, написанное в военные годы, незадолго до смерти автора.

Оказывается, что несмотря на известность Павликовской-Ясножевской на родине и на славу Ахматовой как переводчика, популярность перевода во многом зависела от политической обстановки. Если просмотреть новейшие издания польской поэзии на русском языке, увидим, что стихов Павликовской-Ясножевской переводится намного больше, появляются новые фамилии переводчиков и переводят они новые тексты, которые прежде не всегда допускались в советской печати. Уже в конце восьмидесятых годов предыдущего столетия свои переводы стала помещать в прессе Наталья Астафьева⁶, которая после издаст их в составленной вместе с Владимиром Британишским антологии польской поэзии⁷, а также в антологии стихотворений польских поэтесс⁸. Кстати, Владимир Британишский вспоминал:

В 1986-м карантин на польскую литературу в Москве был снят. В майском номере „Иностранной литературы“ появился цикл Марии Павликовской в переводах Натальи Астафьевой, летом ушел в набор составленный мною томик Павликовской в издательстве „Художественная литература“⁹.

⁴ Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. О журналах „Звезда“ и „Ленинград“. „Правда“ 21 августа 1946, № 274; За: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/USSR/journal.htm> [20. 09. 2011].

⁵ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], перевод. А. Ахматова, [в:] *Польская лирика в переводах русских поэтов*, Москва 1969, с. 173–177.

⁶ М. Павликовская-Ясножевская, *Стихи*, перевод. Н. Астафьева, „Иностранная литература“ 1986, № 5, с. 176–184.

⁷ Н. Астафьева, В. Британишский, *Польские поэты XX века. Антология*, т. 1. СПб. 2000, с. 106–130.

⁸ Н. Астафьева, *Польские поэтессы. Антология*, СПб. 2002, с. 164–199.

⁹ В. Британишский, *Речь Посполитая поэтов*, „Вопросы литературы“, 2000, №1; <http://infoart.udm.ru/magazine/voplit/n1-20/britan.htm>.

Сегодня стихотворения Павликовской-Ясножевской все чаще печатаются в издаваемых в России антологиях поэзии, в журналах, а также в интернете. Появляются и новые переводчики ее стихотворений на русский язык, не всегда жители России, как в случае проживающих сегодня в Израиле, Самуила Черфаса, поместившего четыре перевода стихов поэтессы на сайте „Стихи.ру”¹⁰ и Льва Бондаревского, чьи переводы можно найти на сайте „10 лет Поэзия.ру”¹¹. Интересно заметить, что Бондаревский дает на своем сайте следующую информацию:

Здесь стихи мои, моих друзей, воспоминания, заметки о разном. Сами мы из Челябинска, ныне далече. Раанана, Израиль¹².

Также на интернетных страницах известнейшего электронного проекта „Век перевода” можно прочесть несколько русских вариантов произведений Павликовской-Ясножевской, выполненных Валерием Акоповым (*Мадам Баттерфляй*)¹³, Натальей Астафьевой (*Тетки, В дождь на берегу моря*)¹⁴, Асаром Эпшелем (*Потерянный партнер, Мать Природа*)¹⁵ и Михаилом Хороманским (*Влюбленные у моря, Сирены, Коровы*)¹⁶. Последний случай довольно интересен, так как переводы Хороманского относятся к началу 20-го века, они были напечатаны в 1929 г. в Берлине в составленной Хороманским и Сергеем Кулаковским, книге *Современные польские поэты*¹⁷, поэтому их можно считать не столько новыми, сколько возвращенными русскоязычной публике.

Произведения краковской поэтессы переводились также полонистом Максимом Мальковым, автором статьи о Павликовской-Ясножевской и Анне Ахматовой¹⁸ и Анатолием Нехаем, составившим сборник ее стихов *Поцелуи*¹⁹, в который вошли переводы Нехая, Екатерины Петровской и победителей IV Петербургского Конкурса молодых переводчиков „*Sensum de sensu – 2004*” в польской номинации. Именно стихи Павликовской-Ясножевской стали его темой.

¹⁰ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], Стихи.ру., перевод. С. Черфас, 2005, Свидетельство о публикации №1507071283, <http://www.stihi.ru/2005/07/07-1283>. На сайте помещены стихи: *Тянет ветер над зябкой речкой...*, *Письмо, Испанец, Моль*.

¹¹ М. Павликовская-Ясножевская, *Белая дама*, перевод. Л. Бондаревский, „10 лет Поэзия.ру”, <http://www.poezia.ru/article.php?sid=88707>; *Та же, Бедный Некто скорбный Никто...*, перевод. Л. Бондаревский, „10 лет Поэзия.ру”, <http://www.poezia.ru/article.php?sid=73456>.

¹² Л. Бондаревский, *LE-BO. Стихи, воспоминания, фото*, <http://le-bo.narod.ru>.

¹³ М. Павликовская-Ясножевская, *Мадам Баттерфляй*, перевод. В. Акопов, „Век перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1930/akopov.htm>.

¹⁴ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], перевод. Н. Астафьева, „Век перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1900/nastafeva.htm>.

¹⁵ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], перевод. А. Эпель, „Век перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1930/eppe.htm>.

¹⁶ М. Павликовская-Ясножевская, [Стихи], перевод. М. Хороманский, „Век перевода”, <http://www.vekperevoda.com/1900/mhoromanskij.htm>.

¹⁷ С. Кулаковский, М. Хороманский, *Современные польские поэты*, Berlin 1929.

¹⁸ М. Мальков, А. Ахматова и М. Павликовская-Ясножевская, „*Studia Polono-Rossica*”, Москва 2003, с. 387–402.

¹⁹ М. Павликовская-Ясножевская, *Поцелуи: переводы с польского*, состав. А. П. Нехай, СПб. 2004. (Biblioteczka lektur polonijnych). Парал. текст на пол. и рус. яз.

2. Конкурсные подстрочники

В этом контексте стоит отметить, что также в Мурманском государственном гуманитарном университете в 2008 году проводился конкурс на лучший перевод польской поэзии, победители которого довольно часто выбирали стихи автора *Поцелуев*. Часть этих переводов печатается на сайте МГГУ (*Письма, Любовь, Ноябрь и почтальон, Вырванный букет, Опоздавшее письмо, Листья, Заповеди, Безопасность*)²⁰. Годом позже тот же МГГУ организовал конкурс, посвященный исключительно переводу поэтического творчества Павликовской-Ясножевской. На сайте было помещено следующее объявление:

Господа студенты факультета филологии и журналистики, а также других факультетов!

В октябре-ноябре 2009 г. в рамках Дня польского языка и культуры будет проходить конкурс „Розы для Сафо” – на лучший перевод стихотворений с польского языка на русский.

[...]

Конкурс на лучший перевод с польского языка "Розы для Сафо"

Стихотворения для перевода (одной из самых известных поэтесс 20 в. М. Павликовской-Ясножевской) даются в оригинале и подстрочнике (подстрочный перевод Е. И. Карбановской)²¹.

Стоит обратить внимание и на существование подстрочного перевода, благодаря которому студенты не знающие польского языка могли принять участие в конкурсе. Сегодня подстрочники используются довольно редко. Обычно они применяются только в случае редких, экзотичных языков. В свою очередь, в рамках польского и русского языков обычно осуществляется непосредственный перевод. Однако, в данном случае, можно полагать, что организаторы хотели привлечь к конкурсу большое количество студентов. Подстрочный перевод способствовал достижению этой цели. Посредственно способствовал также росту популярности творчества Павликовской-Ясножевской в России.

В случае обоих конкурсов автором подстрочников была Екатерина Карбановская, старший преподаватель Кафедры русского языка, литературы и методики их преподавания МГГУ. В первом, для перевода предлагалось по одному стихотворению Юлиана Тувима, Леопольда Стаффа, Вишавы Шимборской и несколько произведений Павликовской-Ясножевской, во втором – тексты из цикла *Розы для Сафоны*. К сожалению в интернете можно найти только несколько переводов победителей первого конкурса, поэтому, высказаться о влиянии подстрочника Карбановской на поэтический перевод довольно трудно.

²⁰ См. *Итоги конкурса переводов*, Официальный сайт МГГУ, 2008, http://www.mspu.edu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=409&Itemid=101; Далее цитируются переводы участников конкурса, помещенные на этом сайте.

²¹ См. *Конкурс на лучший перевод польских стихотворений*, Официальный сайт МГГУ, 2009, http://www.mspu.edu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1042.

Можно однако дать общую характеристику подстрочников и отнестись к некоторым отдельным случаям перевода. Итак, что касается общих черт подстрочного перевода, следует подчеркнуть его старательное выполнение. Переводчица несомненно пыталась воспроизвести смысл стихотворения. Ее подстрочники очень близки подлинному тексту, иногда к ним даются пояснения и дополнения, как в случае русского заглавия и текста подстрочного перевода стихотворения *Listopad i listonosz*:

Ноябрь и почтальон (письмоносец) – подстрочник;

Нет писем! Почтальона нет!
Уже не придет (**он**) ни днем, ни ночью²².

Однако, здесь не даются никакие сведения о стихосложении, поэтому довольно часто в конкурсных переводах наблюдается замена метра или рифмической схемы польского произведения другой. Например, в переводе четверостишия *Bezpieczeństwo* (*Безопасность*) Елены Шехурдиной, занявшей 2 место в конкурсе, замечается уход от подлинной рифмической схемы abba и ее замену белым стихом:

<i>Bezpieczeństwo</i>	<i>Безопасность, перевод Елены Шехурдиной</i>
Boicie się o mnie? Dlaczego? Ach, życie jest burzliwe i źle nieskończenie, lecz czyż potrzeba syrenie pasa ratunkowego?	Бойтесь за меня? Отчего же? Да, жизнь бесконечно бурна и зла. Но разве нужен сирене Пояс спасения?

Но, прежде всего, следует обратиться к лексическому пласту подстрочника. На его примере можно наблюдать, как автор поэтического перевода следует подстрочнику, включая в это и ошибки, повторяющие ошибки автора подстрочника.

Хорошим примером является, упоминаемый уже, *Listopad i listonosz*, где на месте строки: „złote płatki zawiąły mu oczy” в подстрочнике появились слова: „Золотые лепестки завяли в его глазах”. По всему правдоподобию эта ошибка связана с обманчивым фоническим сходством польского „zawiąły” и русского „завяли”. Данная неточность сказывается в помещенном на сайте МГУ, награжденном переводе Марии Тишулиной (1 место): „Нет лепестков золотых в его глазах. Они давно завяли.”. Оказывается, что золотые лепестки листьев, которые заслонили глаза почтальона, то есть, которых полно в его глазах, исчезли отсюда. Более того, и в подстрочнике, и в тексте буквально следующей ему Тишулиной, они даже „завяли”, что сильно ассоциируется с осенью и с умиранием. В свою очередь Ксения Архипова (2 место) пишет: „Лепестки золотые исчезли из глаз его”, внушая реципиенту тождественность золотых лепестков и глаз почтальона. Обратим

²² М. Павликовская-Ясножевская, *Ноябрь и почтальон (письмоносец)* – подстрочник, перевод. Е. И. Карбановская, http://www.mspu.edu.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1042&Itemid=421; Журный шриффт – А. Б.

внимание также на строку: „ach i przepadł w zamęcie i świcie list”. Появившееся здесь слово „zamęt” Карбановская перевела как „вьюга” („ах, и пропало во вьюге и свисте, письмо”) хотя у него несколько переводных эквивалентов, например: „суетня”, „суматоха”, „беспорядок”, „сутолока”, и этому последовали обе участницы конкурса: „И, вьюгою гонимо, / Пропало в ее грозном свисте / Письмо,” (Тишулина), „И пропало во вьюге и свисте, / письмо” (Архипова).

Еще одна черта исследуемого подстрочника, это сильный буквализм. Карбановская не замечает, или не умеет передать игру слов, наблюдаемую в творчестве поэтессы, которая довольно часто прибегала к одновременному использованию переносного и дословного значения данного слова. Участники конкурса повторяют эту однозначность подстрочника. Для подтверждения сказанного приведем два примера. Итак, в стихотворении *Listy*:

Do pieca, miłosny zeszyście!
Do pieca, listy – stos cały!
A żeście z ognia powstały,
więc w ogień się obróćcie!

появился глагол „obróć się”, который, между прочим, может обозначать обернуться (вращаться, повернуть, напр. в другую сторону), но также превратиться (обернуться кем? чем?, напр. волком). В данном случае действие связано с превращением, хотя и с возвращением в прежнее состояние, так как письма, которые возникли из огня (имеется в виду метафорический огонь любви) и должны теперь стать огнем (сгореть в нем). Карбановская правильно прочитывает начерченную Павликовской-Ясножевской картину и переводит интересующее нас слово глаголом „вернуться”, благодаря чему письма возвращаются в огонь, но, не заметив двойственной семантики польского текста, не передает мысли о превращении писем в огонь и о их возвращении в первичное состояние. Обе победительницы конкурса, переводящие данное стихотворение, повторяют образ указанный автором подстрочника, Анастасия Елкина использует даже тот же глагол, Елена Шехурдина применяет формулу „В огонь уйдет навечно”. Сравним все три переводных варианта текста:

Е. И. Карбановская – подстрочник	Мария Тишулина, 1 место в конкурсе	Елена Шехурдина, 2 место в конкурсе
В печь, любовные тетради! В печь, письма – целая грудa! Вы, что из огня возникли, Так в огонь вернитесь! ²³	Я брошу в печь любовные тетради, и грудa писем полетит туда. Что из огня когда-то появилось, В огонь уйдет навечно , навсегда.	В печь, любовные тетради! Письма – в печь, их целая грудa. Ведь вы же из огня возникли, В огонь же и вернитесь вы тогда!

²³ Там же.

Похоже в переводе стихотворения *Spóźniony list*:

Może kiedyś, nieoczekiwanie,
przyjdzie list ten. I nic się nie stanie.
Tylko patrząc w oczy Panu Bogu
rzeknę z cicha: „Za późno, mój Panie!”.

Павликовская-Ясножевская использует здесь игру слов „Pan Bóg” – „mój Pan”. В первом случае речь идет о Господе Боге, во втором слово „Pan” может относиться и к Богу – Господу, и к любому мужчине – господину. Однако подстрочник и, следующий ему, поэтический перевод Ксении Архиповой (*Опоздавшее письмо*) учитывают только одно значение – Господь Бог:

Е. И. Карбановская - подстрочник	Ксения Архипова, 2 место в конкурсе
Может, когда-то неожиданно придет это письмо. И ничего не случится. Только глядя в глаза господу Бога, скажу тихо: «Поздно, мой Боже!»	Может, когда-то нежданно это письмо придет. И ничего не произойдет. Вглядываясь в глаза Господа, тихо скажу: «Поздно, мой Бог!»

А ведь, в обоих случаях можно было воссоздать образ, наблюдаемый в подлиннике, а также игру слов, не теряя при этом ни ритмическую систему, ни схему рифмов, применяемые польским автором, чего доказывает предлагаемый мной перевод рассматриваемых миниатюр:

<i>Письма (Listy)</i>	<i>Опоздавшее письмо (Spóźniony list)</i>
В печь бросаю любовный брульон! В печь письма, записки все! И как породились в огне, Так сейчас обернитесь в огонь!	Когда-нибудь придет ко мне письмо, Но не изменит ничего оно. В Господа Бога я взгляну глаза – «Уж поздно, господин!» скажу шепча.

Того, что отступление от дословного перевода, в том числе и от буквального подстрочника, в итоге может привести к лучшему результату, доказывает и русскоязычный вариант стихотворения *Cnoty (Zanowedu)*:

Wszystkie cnoty miłe Panu Bogu
maleją mi w oczach i bledną.
Posiadam już tylko jedną:
kocham cię, mój Wrogu...

Приведем здесь подстрочник и две версии конкурсного переложения, выполненные занявшей 2 место Еленой Шехурдиной и участницей конкурса Анастасией Елкиной, выделяя жирным шрифтом интересующие нас слова:

Е. И. Карбановская - подстрочник	Елена Шехурдина, 2 место в конкурсе	Анастасия Елкина, участница конкурса
Все заповеди, милые господу Богу, уменьшаются в моих глазах и бледнеют. Имею уже только одну: люблю тебя, мой Враг...	Все заповеди, милые Господу Богу, Бледнеют, уменьшаются в моих глазах. Имею только лишь одну - Что я тебя, мой Враг, лю- блю...	Все заповеди, данные Богом, Меркнут в глазах у меня. Осталась одна из немногих: Мой враг! Люблю тебя!

Польское „maleją mi w oczach i bledną” в подстрочнике получило форму „уменьшаются в моих глазах и бледнеют”, которую следует признать буквальным переводом. Предложение Шехурдиной, не учитывая небольшой перестановки слов, повторяет подстрочник: „Бледнеют, уменьшаются в моих глазах”. В варианте Елкиной появляется совмещающее уменьшение и бледнение слово „меркнуть”: „Меркнут в глазах у меня”. В свою очередь „иметь”, заменившее в подстрочнике и в награжденном переводе польское „posiadać”, у Елкиной превратилось в „остаться”, что отвечает подлинному поэтическому образу. Более того, вариант Елкиной воспроизводит тонический стих Павликовской-Ясножевской и рифмизированность ее стиха, хотя схема abba сменяется переменной рифмой abab.

Интересно отметить, что в подстрочниках не обозначена рифмическая система подлинника, поэтому ее замена белым стихом не удивляет. С другой стороны, стоит заметить попытки передать построение стиха, наблюдаемое в переводах Елкиной, несмотря на то, что они не имеют никакого отношения к подстрочнику.

Нельзя также не заметить, что если конкурсы способствуют росту популярности переводимого автора, то подстрочники несомненно влияют на число участников этих конкурсов и, посредственно, на усиление заинтересованности данным творчеством.

3. Несколько заметок об интернетном пространстве

Рассуждая о популярности Павликовкой-Ясножевской в России и в „русскоязычном пространстве”, стоит упомянуть также выполненный Верой Северьяновой перевод пьесы *Szofer Archibald* (*Шофер Арчибальд*), которая в 2009 году была поставлена Гродненским драматическим театром²⁴. Внимания заслуживает также, появляющееся на разных интернетных сайтах с цитатами, высказывание поэтессы о мужчинах:

Мужчины что мыльные пузыри: первый всегда неудачен, второй уже лучше, но только третий по-настоящему красив и радужен²⁵.

²⁴ М. Павликовска-Ясножевска, *Шофер Арчибальд*, перевод. В. Северьянова, „Современная драматургия” 1997. т. 2., с. 213–226.

²⁵ См., напр., <http://wisdomstore.ru/author/mariya-pavlikovskaya-yasnozhevskaya>.

Однако, заодно можно говорить и о некотором пробеле, нехватке в интересующих нас переводах. На интернетных страницах появляются просьбы поместить стихи Павликовской-Ясножевской, помочь найти их, сожаления о том, что их нет. Отметим два таких высказывания.

Первое из них – просьба-вопрос, помещенная на поисковом сайте Ответы@mail.ru – звучит: „Где в интернете можно прочитать стихи Марии Павликовской-Ясножевской?”²⁶. Она получила два ответа. Автор первого предлагает читать: „цикл лирических миниатюр *Поцелуй*, конкретно стих *Любовь*”²⁷. Очередной ответ оказывается ссылкой на сайт с переводами с польского языка, выполненными Ахматовой, однако на сайте нет указанного стихотворения.

В свою очередь, второе высказывание указывает, по какому пути русскоязычные читатели могут приходиться к творчеству польских поэтов. Итак, на одном из блогов появились следующие слова:

Читаю Я. Л. Вишневого *Повторение Судьбы*, в тексте наткнулась на упоминание о польской поэтессе Марии Павликовской-Ясножевской и ее цикле лирических миниатюр *Поцелуй*. В интернете нашла только это стихотворение из цикла:

Любовь

Вот уж месяц мы не встречались,
Ну и что? Я бледней немножко.
Чуть сонливей, молчаливей малость...
Значит, жить без воздуха можно?

А хотелось бы все прочитать...²⁸.

Произведения Януша Леона Вишневого, начиная с *Одиночества в сети* снискали большую популярность среди мировой, в том числе и русскоязычной публики, поэтому неудивительно, что его читатель желает ознакомиться с творчеством тех, чьи имена упоминает писатель. Кстати, упоминаемая на сайте цитата в переводе Леонида Цывьяна:

[...] научилась жить без нее, а это огромный успех. „Видно, можно без воздуха жить”⁵, – писала Павликовская-Ясножевская, и я тому наилучший пример. Живу без воздуха уже два года...²⁹

звучит немного по-другому, чем в поэтическом переводе Ахматовой („Значит, жить без воздуха можно?”). Отметим, что в примечании появилась также информация о том, что приводимая строчка взята из стихотворения Павликовской-Ясножевской *Любовь*, которое входит в цикл *Поцелуй*.

Заканчивая рассуждения о популярности польской поэтессы в России стоит еще заметить, что цитированная строка довольно часто появляется на русскоязычных интернетных сайтах, в том числе на блогах, так как

²⁶ См. Ответы@mail.ru, <http://otvet.mail.ru/question/38381114>.

²⁷ Там же.

²⁸ См. <http://aliska-zabriska.livejournal.com/23834.html>; Так в тексте.

²⁹ Я. Л. Вишневский, *Повторение судьбы*, перевод. Л. Цывьян, с. 13, [в:] Электронная Библиотека, <http://www.fb2book.com/?kniga=27003&strn=13&cht=1>; Жирный шрифт – А. Б.

в российском „электронном пространстве” она стала крылатым словом³⁰. Иногда интересующая нас строчка приводится без изменений, иногда она адаптирована, соответствует данному высказыванию, теме, обсуждаемой на сайте, как в случае замены одного месяца („Вот уж месяц мы не встречались”) двумя месяцами:

Вот уже 2 месяца мы не встречались.

Ну и что? Я чуть сонливей, молчаливей малость.

Просто бледней, тревожнее.

Значит, жить без воздуха можно? ³¹

Итак, творчество Марии Павликовской-Ясножевской, непереводимое на русский язык при жизни поэтессы, остается почти неизвестным советскому читателю, не считая немногочисленных переводов, прежде всего Ахматовой, издаваемых в период хрущевской оттепели. Зато начиная с второй половины восьмидесятых годов 20-го столетия, в новой политической обстановке, наблюдается рост его популярности в России. Сегодня этой популярности способствует также существование интернета, благодаря которому информация о данном творчестве передается далее, где появляются отрывки данного текста, его анализы, где некоторые высказывания становятся крылатыми словами.

Кроме политической обстановки и технического прогресса, следует также отметить роль конкурсов, популяризирующих данное творчество и роль подстрочников, которым следуют переводы.

Summary

ANNA BEDNARCZYK

SOME REMARKS ABOUT THE RECEPTION OF MARIA PAWLIKOWSKA-JASNORZEWSKA'S WORKS IN THE "RUSSOPHONE SPACE"

Within the framework of the studies concerning the reception of Maria Pawlikowska-Jasnorzewska's poetry in the Soviet Union and in Russia, the author explores the issue of the political context in the target cultural and linguistic space. She also explores the problem of literal translation as a method of popularising the poems studied, and analyses the function of the Russophone Internet in the popularisation of the Polish poet.

Key words: Maria Pawlikowska-Jasnorzewska, reception, poem, literal translation, Internet, culture space.

³⁰ См., напр., „Summer-breath”, 24 июня, <http://anny16.summer-breath.com/post/385191;SuperStatus.ru>”, <http://www.superstatus.ru/?id=185236>.

³¹ См. „VK” Darina Voropaeva, 11.06, <http://vk.com/id121161486>; Жирный шрифт – А. Б.